

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В.Новкунского

город Санкт-Петербург

19 мая 2022 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А.В.Новкунского. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли

Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в случае истечения сроков давности уголовного преследования.

В соответствии с частью второй статьи 27 УПК Российской Федерации прекращение уголовного преследования по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 данного Кодекса, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает; в таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

1.1. Постановлением следователя от 31 июля 2019 года в отношении заявителя по настоящему делу – гражданина А.В.Новкунского прекращено уголовное дело по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, т.е. в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, с учетом его заявления от 31 июля 2019 года о согласии на прекращение уголовного дела по указанному основанию.

5 марта 2020 года названное постановление отменено руководителем следственного органа. Вынесенные впоследствии аналогичные постановления следователя о прекращении уголовного дела от 6 марта 2020 года и от 21 апреля 2020 года также отменены руководителем следственного органа как незаконные и необоснованные.

31 августа 2020 года вновь вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении заявителя в связи с истечением срока давности.

На это постановление А.В.Новкунский в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации подал в суд жалобу, в которой выразил несогласие с

прекращением уголовного дела на основании пункта 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации и указал, что по причине болезни и в связи с желанием прекратить в отношении себя какие-либо действия со стороны сотрудников следственного комитета и полиции оговорил себя в совершении преступления. 18 декабря 2020 года судья Сызранского городского суда Самарской области отказал в удовлетворении жалобы, сославшись на то, что в материалах уголовного дела имеется письменное согласие А.В.Новкунского от 31 июля 2019 года на прекращение уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, составленное в присутствии защитника.

С указанным решением согласились суды вышестоящих инстанций (апелляционное постановление Самарского областного суда от 12 февраля 2021 года; постановление судьи Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2021 года об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции), которые в том числе указали, что доводы о том, что заявитель желает продолжения предварительного расследования, неубедительны, поскольку материалы дела не содержат сведений об отзыве поданного А.В.Новкунским 31 июля 2019 года заявления о согласии на прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации. Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2021 года в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции также отказано.

1.2. Конституционный Суд Российской Федерации как высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации осуществляет судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации (статья 1

Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), а потому, разрешая дело, защищает конституционные права не только заявителя, но и неопределенного круга лиц, в отношении которых могут быть применены оспариваемые нормативные положения.

Как следует из статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации, принимая к рассмотрению жалобу на нарушение конституционных прав и свобод гражданина, признает тем самым как наличие надлежащего повода – отвечающей требованиям данного Федерального конституционного закона жалобы, так и наличие основания для рассмотрения дела – такой констатируемой Конституционным Судом Российской Федерации неопределенности в вопросе о конституционности оспариваемых положений, устранение которой относится к его исключительной компетенции.

Конституционный Суд Российской Федерации проверяет конституционность законов и иных нормативных актов, примененных в конкретном деле, если на момент подачи жалобы на нарушение конституционных прав и свобод граждан исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты. Под исчерпанием внутригосударственных средств судебной защиты понимается подача в соответствии с законодательством о соответствующем виде судопроизводства заявителем кассационной жалобы в суд максимально высокой для данной категории дел инстанции или в случае, если вступившие в силу судебные акты по данной категории дел подлежат обжалованию только в надзорном порядке, надзорной жалобы, если судебный акт, в котором был применен оспариваемый нормативный акт, был предметом кассационного или надзорного обжалования в связи с применением этого нормативного акта, а подача кассационной или надзорной жалобы не привела к устранению признаков нарушения прав заявителя (пункт 3 части первой статьи 3, пункт 5 части второй статьи 40, пункт 3 статьи 97 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

При этом, по смыслу взаимосвязанных положений статей 44, 68, 96 и 97 названного Федерального конституционного закона, производство по делу по жалобе гражданина – если жалоба не отозвана заявителем с соблюдением установленных требований – может быть прекращено Конституционным Судом Российской Федерации лишь в том случае, если после принятия обращения к рассмотрению будут выявлены основания к отказу в принятии его к рассмотрению или возникнут обстоятельства, которые, если бы они имелись на стадии предварительного изучения обращения, послужили бы основаниями к отказу в принятии его к рассмотрению как не соответствующего критериям допустимости.

Из дополнительно полученной Конституционным Судом Российской Федерации информации следует, что в период изучения Конституционным Судом Российской Федерации жалобы А.В.Новкунского заместителем прокурора Самарской области 11 февраля 2022 года в судебную коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции принесено кассационное представление об отмене постановления Сызранского городского суда Самарской области и апелляционного постановления Самарского областного суда, которыми оставлена без удовлетворения жалоба адвоката в защиту интересов А.В.Новкунского, поданная в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, о признании незаконным и необоснованным постановления о прекращении уголовного дела.

В указанном случае внесение прокурором упомянутого кассационного представления и даже возобновление производства в суде общей юрисдикции после того, как названные судебные решения уже были предметом кассационного обжалования в суде максимально высокой для данной категории дел инстанции, не означают, что А.В.Новкунским не исчерпаны внутригосударственные средства судебной защиты, а его жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации утратила свойство

допустимости, как и не устраняют они неопределенности в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем нормативные положения.

1.3. А.В.Новкунский утверждает, что оспариваемые нормы противоречат статьям 21 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 48, 49 (часть 1) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования они позволяют следователю неоднократно выносить постановления о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, используя для этого единожды полученное от подозреваемого заявление о его согласии с прекращением уголовного дела по этому основанию, несмотря на последовавшее за этим возражение против прекращения уголовного дела (отказ от такого согласия).

Таким образом, с учетом статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункт 3 части первой статьи 24 и часть вторая статьи 27 УПК Российской Федерации в той мере, в какой на их основании после отмены вынесенного с согласия подозреваемого, обвиняемого постановления о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования разрешается вопрос о прекращении уголовного преследования по этому же основанию без получения нового или подтверждения ранее данного согласия подозреваемого, обвиняемого.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, а также гарантировать их государственную защиту, в том числе от преступных посягательств, в связи с чем в этих целях, а равно для обеспечения иных конституционных ценностей закрепляет требование законодательного определения преступности и

наказуемости общественно опасных деяний, оснований и порядка осуществления уголовного преследования лиц, преступивших уголовный закон (статьи 1 и 2; статья 45, часть 1; статья 54, часть 2; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что федеральный законодатель, осуществляя соответствующее правовое регулирование, в силу статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации вправе как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения (Постановление от 14 июля 2011 года № 16-П; определения от 21 июня 2011 года № 860-О-О, от 16 июля 2013 года № 1226-О и др.).

Поскольку необоснованное уголовное преследование – это одновременно и грубое посягательство на человеческое достоинство, государство, отказываясь от осуществления уголовного преследования, не вправе оставить неисполненными возложенные на него Конституцией Российской Федерации обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе – исходя из требований ее статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 49, 52, 53 и 54 (часть 2) – оно не освобождается от необходимости гарантировать лицам, незаконно и необоснованно подвергавшимся уголовному преследованию, охрану достоинства личности и обеспечить им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Это, как следствие, означает, что выбор между реабилитирующими и нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного преследования не может быть произвольным.

Соответственно, органы публичной власти и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, установив наличие предусмотренных законом оснований отказа от осуществления уголовного преследования, обязаны действовать таким образом, чтобы обеспечить

соблюдение прав подвергнутых уголовному преследованию лиц в формах, predeterminedенных применимым в конкретном деле основанием прекращения уголовного преследования, в том числе соблюдать установленные законом условия такого прекращения. Иное противоречило бы конституционному требованию соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, нарушало бы принципы законности, равенства, справедливости, уважения достоинства личности.

3. Из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, конкретизирующей общепризнанный правовой принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), во взаимосвязи с ее статьей 49, закрепляющей принцип презумпции невиновности, следует, что подозрение или обвинение в совершении преступления могут основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего преступность деяния, его наказуемость, иные уголовно-правовые последствия, а также все признаки состава преступления. Их наличие в деянии, будучи единственным основанием уголовной ответственности, должно устанавливаться только в надлежащем процессуальном порядке.

Если же противоправность того или иного деяния или его совершение конкретным лицом не установлены и не доказаны в соответствующих уголовно-процессуальных процедурах, все неустранимые сомнения должны толковаться в пользу этого лица, которое – применительно к вопросу об уголовной ответственности – во всяком случае считается невиновным, пока его вина не установлена вступившим в силу приговором суда. В соответствии с названными принципами такое деяние не может влечь за собой уголовную ответственность и применение иных мер уголовно-правового характера и квалифицироваться в процессуальном решении как деяние, содержащее все признаки состава преступления, факт совершения которого конкретным лицом установлен, хотя бы это и было связано с ранее имевшим место в отношении данного лица уголовным преследованием.

Условием прекращения в отношении лица уголовного преследования в связи с истечением срока давности является законность и обоснованность обвинения (подозрения), поскольку прекращение уголовного дела в подобном случае означает отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 года № 18-П, от 2 марта 2017 года № 4-П, от 7 марта 2017 года № 5-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 года № 279-О, от 21 декабря 2006 года № 531-О, от 17 декабря 2009 года № 1627-О-О, от 25 марта 2021 года № 419-О и др.).

Положения статьи 78 УК Российской Федерации, пункта 3 части первой статьи 24, статьи 27 в единстве с частью четвертой статьи 7, статьей 213 УПК Российской Федерации обязывают дознавателя, следователя при вынесении постановления о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования в том числе в связи с истечением срока давности указать обстоятельства, послужившие поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; пункт, часть, статью Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие преступление, по признакам которого уголовное дело было возбуждено; результаты предварительного следствия с указанием данных о лицах, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование; применявшиеся меры пресечения; пункт, часть, статью Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, на основании которых прекращаются уголовное дело и (или) уголовное преследование; привести соответствующее фактическое и правовое обоснование прекращения уголовного дела.

Мотивировка такого решения в связи с истечением срока давности уголовного преследования должна основываться на нормах материального и процессуального права, а также на доказательствах, подтверждающих само событие, правильность квалификации деяния, срок давности уголовного преследования за которое истек, совершение деяния

(подозрения в совершении) конкретным лицом, наличие в деянии всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела.

4. Юридическим фактом, дающим основание для прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, служит истечение на момент (дату) принятия соответствующего процессуального решения периода, установленного статьей 78 УК Российской Федерации, исчисляемого со дня совершения преступления, с учетом возможного его приостановления.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2011 года № 16-П, прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в том случае, если будут обеспечены гарантируемые Конституцией Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства, что предполагает, в частности, необходимость получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела: в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности, а следовательно, нет оснований считать нарушенными права и законные интересы подозреваемого (обвиняемого) решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности), если он не возражает против прекращения уголовного преследования по данному основанию.

Соглашаясь с таким нереабилитирующим основанием прекращения уголовного дела (уголовного преследования), как истечение срока давности, лицо осознанно принимает возможные связанные с этим неблагоприятные последствия, например запрет поступления на отдельные виды государственной службы, формирование дополнительной доказательственной базы для взыскания с него ущерба в гражданско-правовом порядке, наличие, при соблюдении условий, предусмотренных

законодательством (с учетом Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 года № 5-П), оснований для прекращения права собственности на законно принадлежащее ему имущество, признанное вещественным доказательством в качестве орудия преступления или иного средства его совершения, а также возможное восприятие в обществе такого лица как, вероятно, причастного к совершению преступления.

В случае отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) утрачивается его юридическая сила в качестве законного и обоснованного решения, а также аннулируются его правовые последствия. Возможность отменить постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) как незаконное или необоснованное и возобновить производство по делу вытекает из предписаний Конституции Российской Федерации, обязывающих органы государственной власти, должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (статья 15, часть 2), гарантирующих государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1) и возлагающих на государство обеспечение потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (статья 52) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 300-О, от 22 октября 2003 года № 385-О и др.). Отмена такого решения может быть обусловлена необходимостью исследования возможности прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктом 1 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации.

Отмена постановления о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования как незаконного и (или) необоснованного предполагает последующее устранение допущенных нарушений, если их наличие подтвердится, и, в зависимости от характера таких нарушений,

проведение необходимых и достаточных следственных и процессуальных действий, что может повлечь изменения в совокупности установленных обстоятельств, имеющих юридическое значение. При этом подозреваемый, обвиняемый не утрачивает своих процессуальных прав, в том числе: знать, в чем он подозревается (обвиняется); давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения (обвинения), возражать против обвинения, отказаться от дачи объяснений и показаний; представлять доказательства, заявлять ходатайства, защищаться иными средствами и способами, не запрещенными уголовно-процессуальным законом; возражать против прекращения уголовного дела; обжаловать, в том числе в суд, процессуальные действия и решения (часть вторая статьи 27, часть четвертая статьи 46, часть четвертая статьи 47 УПК Российской Федерации).

Следовательно, если после решения руководителя следственного органа об отмене постановления следователя о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования принимается новое постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением сроков давности, предполагается повторное получение согласия подозреваемого, обвиняемого (либо подтверждение ранее данного согласия) на такое прекращение. Наличие согласия отражается в постановлении (часть третья статьи 213 УПК Российской Федерации).

Иное противоречило бы принципу законности, приводило бы к нарушению вытекающего из принципа состязательности права подозреваемого, обвиняемого самостоятельно и по собственному усмотрению определять свою позицию по делу, притом что его невиновность презюмируется, виновность в преступлении не установлена вступившим в законную силу приговором суда, а решением следователя о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующему основанию констатируется и его причастность к преступлению, и наличие состава преступления в его деянии, в том числе вины как обязательного признака состава преступления.

Кроме того, не может не приниматься во внимание то обстоятельство, что, согласившись на прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям, несмотря на указанные неблагоприятные последствия, лицо во многом руководствуется правомерными ожиданиями, что больше не будет вовлечено в уголовный процесс с присущими ему ограничениями и обременениями. Если эти ожидания не оправдались, конституционный принцип справедливости предполагает, что ему также возвращается и право выбора в вопросе о том, соглашаться ли на новое прекращение уголовного дела (уголовного преследования) или предпочесть продолжение производства по уголовному делу в обычном порядке.

В то же время в случаях, когда сам подозреваемый, обвиняемый прямо или косвенно инициировал отмену постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), на которое ранее давал согласие, предоставление ему возможности настаивать на продолжении уголовного дела в обычном порядке – если возобновление производства по делу не дало оснований для иного процессуального решения, чем его прекращение по этому основанию, – создавало бы почву для злоупотребления подозреваемым, обвиняемым своими процессуальными правами. Тем самым он фактически приобретал бы инструмент для изменения в своих интересах достигнутого процессуального результата по уголовному делу, в том числе используя, например, информацию об утрате с течением времени возможности сбора или представления стороной обвинения в суд определенных доказательств. В этой связи на ситуацию, когда сам подозреваемый, обвиняемый инициировал отмену постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), правовые позиции о необходимости получения его согласия (подтверждения ранее данного согласия) на новое прекращение распространяться, по общему правилу, не должны. Однако даже в указанном случае, если в результате возобновления производства по делу после отмены постановления о его прекращении (о прекращении уголовного преследования) установлены новые

имеющие юридическое значение обстоятельства, привнесение данных о которых в материалы дела (и, соответственно, включение этих данных в новое постановление о прекращении уголовного преследования) фактически – с учетом возможных неблагоприятных последствий прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям – ухудшает положение подозреваемого, обвиняемого по сравнению с отмененным постановлением, то требуется его согласие на прекращение уголовного преследования, как предполагает принцип благоприятствования защите (*favor defensionis*).

5. Таким образом, пункт 3 части первой статьи 24 и часть вторая статьи 27 УПК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 49, 52, 53 и 120, в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют следователю без согласия (при наличии возражений) подозреваемого, обвиняемого вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности после того, как вынесенное ранее с согласия подозреваемого, обвиняемого постановление о прекращении уголовного преследования по данному основанию было отменено, притом что сам подозреваемый, обвиняемый не инициировал отмену такого постановления либо инициировал, но новое постановление о прекращении уголовного преследования в связи с установлением в результате возобновления производства по делу новых имеющих юридическое значение обстоятельств фактически ухудшало бы его положение по сравнению с отмененным.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 3 части первой статьи 24 и часть вторую статьи 27 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 49, 52, 53 и 120, в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют следователю без согласия (при наличии возражения) подозреваемого, обвиняемого вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности после того, как вынесенное ранее с согласия подозреваемого, обвиняемого постановление о прекращении уголовного преследования по данному основанию было отменено, притом что сам подозреваемый, обвиняемый не инициировал отмену такого постановления либо инициировал, но новое постановление о прекращении уголовного преследования в связи с установлением в результате возобновления производства по делу новых имеющих юридическое значение обстоятельств фактически ухудшало бы его положение по сравнению с отмененным.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на ее положениях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Новкунского Александра Вячеславовича, вынесенные на основании пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 УПК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом настоящего Постановления.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 20-П

Конституционный Суд
Российской Федерации